

Кольцов А.

Под созвездием Большого Пса

К
о
с
м
и
ч
е
с
к
а
я
о
х
о
т
а
-
64

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анатолий Николаевич Кольцов

Под созвездием Большого Пса. Космическая охота 64

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64131106

SelfPub; 2021

Аннотация

На заре мировой Космической эры, когда всё что касается космоса и космонавтов строго засекречивалось государством, группа охотников попала на строго секретный объект. Всё произошло по недоразумению, но последствия у этого недоразумения были весьма серьёзные. Прикоснуться к космосу и его секретным программам оказалось не столь безопасно, как многим может показаться. Содержит нецензурную брань.

Анатолий Кольцов

Под созвездием Большого Пса. Космическая охота 64

Странный вопрос – бывает ли охота космической? Ну, конечно же, бывает. К примеру, охотишься ты на «космических рябчиков», или «космическая косуля» становится трофеем твоей охоты. И какой же может быть эта охота? Конечно космическая, а какая же ещё. А кем тогда является сам охотник, если охота космическая? Не уж-то Космонавт???

Ну ладно, пошутили и хватит. Охотник в такой ситуации обычная жертва обстоятельств, и ни как иначе.

Представить только – охотник, добыча, жертва, космос, как всё это возможно свернуть в один клубок? Такое, совершенно нереальное переплетение понятий... И всё-таки однажды оно случилось. Мне лично знаком человек, который побывал на такой, почти «космической охоте».

Не все описанные здесь события могут быть достоверными, не берусь за это ручаться, но то, что сама охота состоялась, я знаю точно.

И так – поохотимся вместе...

В начале шестидесятых годов прошедшего столетия, когда наша Советская космонавтика находилась на пике своего

мирового могущества, когда каждого, полетевшего в космос человека весь мир готов был носить на руках до скончания века, когда фамилии: Гагарин, Титов, Николаев, Попович и самой знаменитой пары на свете – Терешковой и Быковско-го были на устах всех жителей планеты Земля, параллельно существовала и самая строгая на свете система сверхсекретности.

К примеру, кто из вас сегодня не знает судьбу нашего главного конструктора знаменитых Востоков, Восходов, Союзов – Сергея Павловича Королёва? А в то время, начала шестидесятых годов, этой фамилии не знал почти никто – секретность, так её раз так! Было, было... Секретность и ещё раз секретность. Всё что касалось космоса и объектов, на которых создавался тот самый космос, государство тщательно охраняло. Что такое «особо охраняемый объект», я здесь расписывать не стану, позднее сами догадаетесь, но режимные объекты, так их называли в те времена, появлялись, словно грибы после благостного дождичка. Сколько нам приходилось читать о подобных случаях: «Иду, мол, по следу вот-вот настигну зверюгу, ан нет... колючая проволока натянута, табличка красная повешена – «Запретная зона», так и ушёл зверь». Там, где ещё вчера свободно гуляли люди, собирая грибы и ягоды, сегодня ни пройти, ни проехать – «Запретные зоны», «...понимаешь ли...»

В 1964 году в августе погода стояла на славу, замечательная. Для охотников просто раздолье. Ни тебе дождей, ни те-

бе ветров с пылью, ни тебе прочих неприятностей. В эти тихие погожие дни Совхоз направил свою охотничью бригаду на отстрел сайгаков. Десятки лет подобная охота была под полным запретом. В Казахстанских степях строго запрещалось охотиться на этих животных. Вот их стада размножились, десятками тысяч, разбрелись по пескам, по степным просторам огромной республики и артельную охоту на них официально разрешили.

– Ну, что Сергеич, как отдыхается в отпуске, контору вашу, чай до осени распустили? Главное хочу спросить у тебя, звено сформировал?

Вопросами о главном... Главный инженер совхоза, Игнатов Михаил Илларионович, по подпольной кличке – Ларчик, поинтересовался у звеньёвого охотничьей артели Комарова Николая Сергеевича. А интересовала его подготовка бригады к выезду в охотничьи угодья, отведённые совхозу на этот сезон. Угодья эти прямо скажем царские. По размерам с добрую Швейцарию будут, но об этом тогда никто не задумывался. А знали просто, где можно охотиться, а где нельзя, да и бригада на дело выезжала второй раз, так что место, в общем-то, знакомое. Кстати, туши отстрелянных сайгаков, как и их шкуры, сдавались государству, а часть добытого мяса разрешалось продавать в собственном хозяйстве. При всём, охотники и себя не обижали, по одной (или не по одной) тушке привозили домой в конце сезона.

– Готовы, Ларионыч. Ещё вчера их собрал, всех преду-

предил. Какую машину даёте? Только не Гришку, как в прошлый раз, достал он со своей колымагой. Не едет она, хоть ты тресни. Стадо догнать не может, как на такой дребедени охотиться? Не погоня, а мучение.

– Нет, Коля, в этот раз возьмёте Андрюху, у него ЗИЛок новенький, не подведёт, хоть и числится – экспериментальным.

– Андрюху? Так он после свадьбы дочери ещё не просох. Вчера его самого от его же сватов домой почти волоком тащили. Пьяный в дрова. Я сам видел.

– Правильно говоришь, тащили. Правильно рассуждаешь, не просох... Но ведь машина-то ни в чём не виновата. Машина – зверь! Так что бери тачку, забирай Андрюху, пока до места его довезёшь, просохнет как стёклышко. Ты его в кузове расстели, в дальний уголок. Его там быстро протрясёт, а в степи особо не попьёшь, да и ты мужик в этом деле грамотный. Короче, не мне тебя учить.

– Ох, и хитёр ты Ларионыч. Тебе возиться с ним не охота, а нам его, значит, перевоспитывать...

– А как ты думал? И машину получить желаешь, и хлопот, чтобы никаких? Всё договорились. Или бери Андрюху с прицепом, или опять на прошлогодней старушке покатите. Всё!

Николай сплюнул, молча, и поплёлся заводить Андрюхин ЗИЛок, понимая, что вместо отдыха на соломе в кузовке грузовика, ему предстоит вести чужую машину почти четыреста

степных вёрст, по убитой напрочь и, не выдавшей ремонта со времён Царя Гороха, дороге. Путь лежал далёкий, в так называемые степные просторы – низовья реки Чу. Это весьма примечательная местность. Там, где добротная южная река исчезает на глазах изумлённых путников, не впадая ни в какой мало-мальски серьёзный водоём. Несколько поросших камышом болотцев и всё. Была река, и нету реки.

Охотники, в количестве четырёх человек, плюс полупьяный, успевший с утра пораньше пропустить стакан самогона, Андрей Андреевич Глухов, расположились на брезенте поверх густо постеленной внутри кузова соломы за деревянными бортами почти новенького ЗИЛ-130. Машина шла уверенно ровно, солидно подпрыгивая на дорожных колдобинах, что не мешало расслабившемуся Андрюхе наслаждаться спокойным сном. Новоиспечённый тесть сладостно храпел, не подозревая, какую каверзу ему и всем остальным охотникам уготовила злодейка-судьба.

– Толкни ты его, ишь расхрапелся. Раздраконился, как зверюга разъярённая.

Сердито проскрипел Серёга, предлагая Витьке ткнуть локтем под ребро храпящего горе-водителя.

– Не-е-е, жалко мне его.

Поморщившись, протянул Витёк.

– Ему ещё две недели, «на сухую», гонять по пустыне свой ЗИЛок. представляешь – какова пытка.

– Пытка, говоришь? Это для меня пытка под его храп всю

дорогу трястись на этих деревяшках.

– А мотор тебе не тот же храп? Разве движок тише шумит?

– Не тише, но благороднее, как-то.

– Ну, ты скажешь – Ваше благородие, ЗИЛовский движок. – сказал Серёга и сам же рассмеялся.

В общем, к вечеру того же дня вся охотничья бригада добралась до своего места обитания. Само место, представляло из себя, не царские, но вполне приличные хоромы. Обшитые досками стены просторного помещения, целая, пока ещё, кровля в три наката добротного рубероида. В прошлом году аккуратно сооружённая тремя плотниками готова была сослужить службу и в этот раз. Отдельные сараи для складирования подстреленных сайгаков с глубокими подвалами внутри лёгких, тоже дощатых, сооружений. Для собственно-го отдыха ватных походных матрасов охотники с собой не брали, везти сложно, да и таскать их лень. Для простоты и удобства набивали обычные мешки из плотной матрасовки той самой соломой, которую в приличном количестве загрузили в кузов. И экономия, и пресловутые удобства. Солома, набитая в просторные тряпичные мешки, служила одновременно и подушкой, и подстилкой. Со временем сам, набитый таким способом матрас, принимал форму тела, спящего на нём индивида, создавая потрясающий комфорт своему хозяину. Кто из вас ни разу не спал на соломе – рекомендую.

Охотники дружно разгрузили бортовушку, как и полагалось, опустили бочки с бензином в оставшуюся с прошлого

года яму, прикрыв от лучей солнца, туда же все необходимые для авто запчасти и моторное масло, соляру для дизеля. Ведь связи с совхозом у них теперь не было никакой, а машина может сломаться, так что, определённый старым опытом запас, был предусмотрительно прихвачен с собой.

Охотники готовились ко сну, а над дальним концом степи во весь горизонт полыхал багровый весьма художественный закат.

– Николай, ты слышал, что где-то там Космодром построили.

Спросил командира Виктор, рукой показывая в сторону закатной зарницы.

– Почему, слышал, я даже документы читал. На них печать особая «Совершенно секретно». Мы, много разных документов утверждали в Крайкоме и по «Тюратаму» в том числе. Не переживай, там всё под охраной, враг не пройдёт.

Пошутил напоследок бригадир и предложил сон вместо беседы. Утром охотников ждала нелёгкая работёнка. Нужно было заправить и оживить дизельгенератор, собрать саксаул для топки печи, разведку охотничьих угодий произвести и так, поработать над благоустройством «стана», как назывался их лагерь для временного проживания.

После изнурительной дороги парни спали как убитые. Никакого ночного дозора выставлять не приходилось, всё вокруг им было давно знакомо. Диких опасных зверей здесь практически не встречалось, а мелочь вроде ядовитых пау-

ков и змей охотников никоим образом не пугала. Эти обитатели прерий сами охотно сторонились человеческого жилья.

Утро наступило таким же радостным и торжественным, каким был вчерашний вечер. Бригада, разделившись пополам, готова была расходиться исполнять ранее намеченные планы. Отоспался и пьяный Андрюха. Утром с величайшим удивлением он обнаружил себя не дома на постели, а в глухой степи, да ещё и без трёхлитровой банки родимого самогона.

– Мужики, эта чё за take. – На его родном толковании так звучал простой вопрос «Где это я?».

Народные массы по привычке решили пошутить над одуревшим от пьянки шоферюгой:

– Как где? Это твоя новая сваха попросила завезти тебя подальше, с глаз долой, чтобы хоть немного самогона ей самой досталось. Ты ведь все её запасы осушил, вот она и рассвирепела. А нам-то куда деваться, вот мы тебя и вывезли во-чисто поле.

Николаю пришлось прекращать хохотушки товарищей, иначе не известно когда бы всё это кончилось.

– Ладно, пошутили и хватит. Давайте, мужики, по местам, дела ждут. А ты, счастливый молодой отец, самой счастливой на свете бывшей невесты, заводи свою колымагу и в путь.

– Не-е-е, я ведь сурьёзно. Где это мы сейчас? В какой путь? Чего заводить-то? – тупо ерепенился протрезвевший, но ничего не понимающий, водила.

– Сползи с постели, выйди из хаты и осмотришься вокруг, может тогда дойдёт.

До Андрюхи и в самом деле начало доходить. Вначале он осмотрелся рядом с кроватью, которая вовсе и не походила на кровать, а скорее на кучу грубо сколоченных досок. Опять же – любимого холодильника «Москва», подаренного тещей и тестем, с запасами огуречного рассола рядом тоже не наблюдалось. Зинаида, его ненаглядная жена, по странному стечению обстоятельств, не стояла над ним с мокрым полотенцем в руке и не орала на него почём свет, что он – пропойца, что он её несчастную жизнь загубил, что детей родных в упор не видит и только хлещет самогон вёдрами.

– Странно всё это. – подумал Андрюха и вышел из сарая на воздух.

Вокруг виднелась бескрайняя равнина, о которой он до сей поры только слышал, что, мол, есть такая в Казахстане. Говорили бывалые шофера, что, мол, едешь по ней, едешь, а конца и края ей нет. Особенно в ночи – видишь в дали огонёк своей деревни и шпаришь на него. Ни ям тебе, ни колдобин, просто слегка осторожничаешь и только. Куда ни сверни, всюду проскочишь. Ещё говорили шофера, что не приведи боже попасть в эту степь зимой, тем более в пургу... Уж лучше стоять и никуда не двигаться. Потому что всё одно никаким способом невозможно будет добраться до места. Ориентиров не видать, в какую сторону ни глянь – гладко и ровно. Куда направлять свою машину не разобраться. Не по-

нять где дом, а где снежный мираж. Так что, стой и жди, пока метель не пройдёт, а там видно будет куда ехать. Бывалые шофера говаривали, что их товарищи и насмерть замерзли в этой самой степи. Сожгут, как бы для сугреву, весь бензин из бака, а пурга так и не закончилась. Пытаются пешком дорогу отыскать, но как же ты её найдёшь в такой круговерти. Так совсем и пропадали. Кого позднее находили, а кого и нет. При виде этой бескрайней равнины Андрюха совсем сник духом и затосковал.

– Это же гад ползучий, Ларчик, меня суда спровадил. Это, наверняка, он Зинку мою наслушался. Это он, змеюга подкодная, мужиков на меня натравил. Ох, прибью этого урода... дай только доберусь до него. Ох, он у меня ещё попляшет...

Не успел закончить Андрей вереницу своих грозных размышлений, как Николай одёрнул его за плечо.

– Ну, что, очухался, гуляка. Заводи свой «пердолёт» и катим в объезд. Нужно оглядеть местность, куда в ночь охотиться поедем.

– Коль, это-о-о... а как я попал к вам в бригаду, а? – обиженным голосочком промямлил сконфуженный водитель.

– Как попал, спрашиваешь? Просто попал. В общем, это не ты к нам попал, а твой ЗИЛок к нам попал, а с машиной, как водится, в придачу даётся и водитель.

– Так это не Зинка моя Ларчика упростила меня увезти?

– Ох, и большого же ты мнения о собственной персоне.

Кто-то, кого-то станет уговаривать тебя на прогулку увозить. Кому ты, если честно, сдался. Машина у тебя новая, вот тебя и взяли. В прошлой охоте намаялись с Гришкой и его развалюхой, вот и попросили дать «конягу» посерьёзнее. А уж лучше твоей... и во всей округе не сыскать. Опытный образец, всё-таки, не хухры-мухры какая-нибудь. – спаясничал напоследок Николай. И дальше ещё прибавил:

– Коняга-то и вправду отличная, вот только прокладка у неё оказалась паршивая.

Андрей встрепенулся от претензии Николая. Он ведь в действительности ухаживал за своей машиной очень даже аккуратно. Это отмечало даже руководство в лице его собутыльника механика Макарыча, а тут кто-то со стороны нашёл какую-то прокладку, да ещё и плохую. Он от досады так и переспросил у бригадира:

– Это какая ещё прокладка. Я ей ТО (техосмотр) на прошлой неделе сделал, все прокладки в порядке были.

– Все, да не все. Главная прокладка между сидением в кабине и баранкой машины – шофёр называется, оказалась бракованной, с душком. Заводи ехать пора. – приказал Николай опешившему водиле, до которого ещё не совсем дошло, о какой прокладке говорил его начальник.

Николай сел с Андреем в кабину. Поскольку тот был в их бригаде новичком, и ему предстояло повторить этот путь ночью, при тусклом свете фар своего агрегата. Николай, как бывалый человек, объяснял молодому салаге – как глухой

ночью, в глухой степи не попасть впросак. По пути их следования то там, то здесь попадались странные предметы, похожие на метла, воткнутые в землю рукоятью вниз, а щёткой наверх. Николай пояснил Андрюхе, что это помеченные ими ранее опасности – сурчиные норы, проступившие солончаки и просто малоприметные ямы по пути их будущего следования при ночной охоте.

– Видишь метлу, отворачивай. А иначе колёса у своей тачки поотрывает. Мы здесь ещё по прошлому году всё объехали, метки расставили, поглядывай внимательнее. Ночью тебе подсказывать будет некому, мы все делом будем заняты.

– Слушай, Коль, а почему охота на сайгу только ночью. Что днём нельзя его догнать и подстрелить.

– Вот когда делать станет нечего, я тебе дам возможность хотя бы догнать его, уж получится подстрелить или нет не знаю, но доложу тебе... и догнать будет совсем не просто. Сайгак по степи бежит более шестидесяти километров в час. А ты на такой скорости, да по бездорожью, сможешь ехать? Вот, то-то и оно, с трудом, а то и опрокинутся недолго. Так что запоминай науку, пока бесплатно даётся. Ошибаться ночью нам никак нельзя. А главное, едешь на слабом свете. Яркий свет фар полностью включаешь только по моей команде ни на секунду раньше. Запомни это, как «Отче наш...».

Ночная охота на грузовом авто, с охотниками в кузове, с яркими фарами у них в руках и погоней за быстроногим стадом удалась на славу. Бригада по обычному расписанию по-

спала пару часиков перед рассветом и все дружно взялись за разделку добытых туш. Только водитель согласно распорядка обязан был готовить обед, заодно и ужин. Далее сколько, чего и как уточнять не будем, не о том речь, но следующая ночь должна была стать отсыпной. Всем нужно как следует выспаться, отдохнуть, вдоволь поесть свежатинки, притом, не возбранялось и немного выпить – всем, кроме, естественно, Андрюхи. Того поставили под строгий контроль за былую распущенность. Но и из охотников не каждый выпивал свою чарку. Сказывались и обычная физическая усталость, и степная жара, не особо располагающая к водочным возлияниям. Вот по окончании сезона, когда заготовители всё мясо вывезут, когда лагерь нужно будет консервировать до будущего года, тогда другое дело. Старатели обязательно под это событие припасали лишний денёк. Этот праздничный денёк уходил, в том числе, и на выпивку с шутками и песнями во-круг костра. К обеду в этот день жарили на углях целую тушу сайгака, а после почти всю ночь травили свои охотничьи байки. После короткого сна, ранним утром грузили припрятанные для нужд собственных семей тушки сайгаков, покрывали их брезентом, присыпали сеном, заведомо накошенным поблизости, и отправлялись в обратный путь.

Но сегодня до обратного пути было ещё долго. Никто бы не подумал на Андрюху такого, но тот, разгорячённый ночными событиями, от которых пришёл в полный восторг, начал агитировать собратьев по несчастью не спать сегодняш-

ней ночью, а продолжить невиданную для него ранее, охоту. Так ему всё это понравилось, что не терпелось повторить.

– Ну, что, мужики, давай ещё разок стрельнём. Чего спать-то. Так и «царствие небесное» проспять можно. Вон какие ночи светлые стоят. Луница, в полнеба. Давай, Николай, ведь никто же и спать-то не собирается.

– Как ты в ночь поедешь? Бродяга ночной. Мы ведь ни разведку не провели, ни мётел не расставили. Где сейчас стадо, нам неизвестно. Куда поедешь? Вслепую? Дурачина, однако! – ответил распаленному молодцу Виктор.

Он трезво рассудил, что просто так «гонять пыль по степи» смысла нет. Нужно, уж если в ночь выезжать, так хотя бы объезд предварительно сделать. Все остальные члены бригады в этом споре не участвовали и просто промолчали. Кому-то дела до этого не было, а кто-то безмолвно согласился с рассуждениями своего товарища. Но ведь и Андрей не унимался – подавай... и всё тут...

– А я о чём говорю, проскочим вдвоём за пару часиков, объедем окрест, а в ночь и рванём, зато после и отоспимся.

Андрей настолько сильно напирал, что некоторые бывалые охотники не сразу, но согласились с ним. В общем-то, страда только начиналась и усталость ещё не охватила коллектив в полной мере. В конце концов, бригада поддалась этому соблазну. Михаил с Андриюхой поехали на разведку им на это отвели полных три часа и указали общее направление поисков строго на запад от «фонаря».

«От фонаря», в данном случае это не фигура речи, это означало, что подвешенный на длинном шесте фонарь, светящийся от электросети дизельгенератора в любой ситуации для разведчиков означал направление курса для возвращения домой. Такими фонарями в этой местности пользовались практически все хозяйства. Видишь свет, значит, едешь правильно. А поиск стада сайгаков производится простым кружением по степной равнине. Водитель едет прямо, замеряя расстояние по показаниям спидометра, а после поворачивает вправо и делает круг километров десять, после, такой же круг в другую сторону от ранее намеченного маршрута, и когда видит стадо пасущихся животных запоминает километраж на спидометре. После такой разведки очень легко наметить маршрут для ночного поиска всего ранее увиденного. А свет фонаря в этом случае самый надёжный ориентир. И чтобы всё это было по-взрослому, то фонарей на шесте было всегда два. Один для подстраховки на всякий случай.

Бригада собралась к ранее обозначенному времени, стрелки расселись по местам в кузове и процесс охоты начался. Было в этой охоте ещё одно неременное условие – автомобиль должен приближаться к заночевавшему стаду сайгаков очень медленно и с приглушённым светом фар. Яркий свет пугал животных, они пускались наутёк слишком рано, догонять приходилось, напрягая все силы мотора автомобиля, да и сама степь хоть и ровная, но всё же не асфальт. Быстрое движение в таких условиях требовало особой осторож-

ности.

Прибыв к месту намечавшейся охоты, бригада к своему удивлению, не обнаружила предмета самой охоты. Дело вот в чём – в темноте глаза сайгаков, как и у всех животных, ярко светятся, если на них направить свет автомобильной поисковой фары. Но охотники как не светили по сторонам, никакого отблеска не замечали. Странно всё это было. Однако факт есть факт. Может быть, какие-то звери их спугнули, а может быть, к водопою потянулись, ведь сайгаки животные бродячие, кто их знает, что у них в головах. Искать, куда подевалась добыча, ночью было не с руки, да и свет «Фонаря» из-за расстояния скрылся за горизонтом, а это означало, что удалились они от стана более чем на сорок километров. В такой усложнившейся ситуации любого охотника всегда выручал компас, по нему сейчас и ориентировались. Его светящаяся в темноте стрелка зависла прямо по курсу их движения, значит, охотничье логово справа от них.

Автомобиль двигался медленно, когда уже всем стало понятно, что дальнейшее движение в том направлении практически бесперспективно, Николай дал команду отбой. Это означало, что «не солоно хлебаша» парни едут домой. Расстроенные и усталые охотники, развалившись в кузове на соломе, практически все поголовно уснули, а Андрюха, как нашкодивший школьник и затевала этой пустой вылазки, рулил, исполняя роль непутёвой прокладки между сидением в кабине и баранкой авто. Рядом с ним уселся Мишка и по

компасу боле или менее разумно управлял курсом движения ЗИЛка. ЗИЛ слегка покачивался и, мягко урча двигателем, ехал себе и ехал. Вдруг по бамперу машины шандарахнуло что-то тяжёлое и её ощутимо потряхнуло. Мишкин сон как рукой сняло, он мгновенно встрепенулся и толкнул Андриюху, который так же как сам Михаил уснул за баранкой, словно шпана подзаборная.

– Ты какого хрена здесь делаешь? Спящую красавицу из себя разыгрываешь? Щ-щ-ас в ухо врежу, быстро проснёшься.

Андриюха и в самом деле перепугался. Сон настолько неожиданно его сморил, что очнувшись он никак не мог сообразить, сколько времени проспал. Может минуту, а может и час. Судя по счётчику на спидометре, они уехали от места неудачной охоты почти на двадцать километров. Михаил скомандовал горе-водителю:

– Стой! Придурок...

Андриюха послушно остановил грузовик. Когда оба вышли из кабины, то их удивлению не было предела. Вокруг распласталась полностью незнакомая местность. Какие-то невысокие холмики, дороги никакой не видать, на бампере автомобиля небольшая свежая вмятина и ещё обрывки колючей проволоки.

– Ну и куда ты нас завёз, глупышка недоношенная. – приторно ласковым выговором прошипел Мишка, при этом скрутил свой огромный кулачище перед носом перепуган-

ного водителя.

Тем временем члены бригады начали понемногу просыпаться. Из-за бортов кузова слышались отдельные человеческие возгласы. Чей-то сонный голос невнятно промолвил:

– Что, приехали?

Мишка тяжело вздохнул и вымолвил в ответ, таким же тихим потерянным голосом, как бы сам себе под нос:

– Кажись, точно приехали... А если ещё точнее, то... приплыли!

Мало-помалу все охотники покинули кузов автомобиля и в свете тусклых фар сгруппировались перед машиной, до конца не осознавая происходящего. Первым заговорил Николай. Он начал, было, с вопроса:

– А чего это мы остановились? Андрюха, где это мы?

Понемногу, видя потерянное состояние и водителя, и штурмана, Николаю становилось понятно, что их транспорт сбился с курса и в этих бескрайних просторах казахстанской вольницы они, сдуру, причалили невесть где.

– Значит, заблудились. Я вас правильно понял? Шала-паи... Андрюха, чего теперь свет экономить открывай фары полностью, хоть поглядим что там впереди.

Тем временем остальные парни ошарашено оглядывались по сторонам, тоже не понимая, куда их занесло. Однако, кое что было безусловно ясно – направление их стана сейчас угадать не сможет никто. Луна уже час, как скрылась за горизонтом, компас хорошо, когда ты знаешь откуда приехал в

это место, но, пройдя метров двести назад по следу ЗИЛка, до них дошло, что машина при движении виляла, как... раненный на всю голову крокодил. Конечно, Андрей ведь спал, и его зверь-машина в отсутствии этой самой прокладки между сидениями и баранкой вытворяла всё, что ей заблагорассудится. Тут Серёга заметил обрывки колючей проволоки на бампере и испугано спросил у Андрея:

– Ты, «водолаз» недоделанный, а это откуда у тебя здесь оказалось? Уж не в запретку ли ты нас привёз?

– А может он нас и по минному полю покатать успел? Кто ж теперь проверит, – добавил Виктор, полностью понимая, что они не по-детски вляпались.

Уж кто-кто, а охотники соображали, что такое оказаться в запретной зоне, да ещё и с оружием в руках. При открытых фарах окрестность стала гораздо лучше просматриваться, когда дополнительно к фарам машины, включили ещё и поисковые фары, это практически ничего не дало, вокруг оказались невысокие холмы не более пятидесяти метров в поперечнике каждый, и больше ничего. Горизонты под утро, как обычно, в дымке, и такой способ ориентации, как – по звёздам тоже не сработал. Единственное, что точно знали потеряшки, это то, что время сейчас предутреннее, поскольку часы были у каждого на руке. По курсу их движения в свете фар просматривалась слабо выраженная колея. Здесь явно когда-то проезжал некий транспорт, вот по нему и решили двигаться дальше.

– Если по этой местности транспорт когда-то ездил, то и нас к чему-нибудь да выведет, а там сориентируемся.

Сказал Николай и скомандовал:

– По коням, двигаемся меж холмов по этой колее. Не усни второй раз, охламон.

Машина при полном свете фар медленно двигалась меж холмиков, не понимая, куда эта, в прямом смысле слова, кривая дорожка, их выведет. Понемногу задавался рассвет, его первые слабые признаки стали виднеться на горизонте и только сейчас все поняли, что они движутся в противоположном направлении, то есть на запад, а им нужно двигаться на восток. От прежнего места они отъехали совсем немного, может быть пару километров, и им ничего другого не оставалось, как развернуть автомобиль на сто восемьдесят градусов.

Не успели они совершить столь нужный им маневр, как вдруг с окрестных холмов прямо в них ударили несколько ярких лучей света. Этот свет был настолько пронзительным, что их глаза сами собой зажмурились. Андрей тут же остановил машину и заглушил двигатель, остальные повскакали с мест и суматошно крутили головами по сторонам, находясь в полной прострации. Практически одновременно со вспышкой света прогремел громopodobный голос:

– Стоять на месте! никому не двигаться! вы окружены!

– Ни хрена себе поохотились...

Только и успел подумать Николай, как в кузов машины

резво вскочили пять или шесть вооружённых калашами солдат. Послышалась, несколько раз повторенная команда:

– Руки!

К приказам добавились чётко выраженные щелчки замков наручников. Курки двустволок тоже щёлкают, но щелчок курка и чего-то другого охотник никогда не перепутает, тем более эти посторонние щелчки тут же подтвердились ощущениями холодного железа на запястьях. Всех до одного членов бригады те же солдатики не мешкая спустили на землю и уложили лицами вниз ровненьким рядочком, словно морковку в лукошко. Яркий свет всё ещё не гас, но переместился на лежащих арестантов, а вокруг машины засуетились невидимые охотникам человечки. Они открыли кабину, откинули борта грузовика, подняли капот над двигателем и ковырялись в моторе. Длилось это несколько минут, после чего чей-то молодежавый голос отчитался:

– Товарищ майор, осмотр окончен, в кузове пять, заряженных боевыми, двустволок, больше ничего нет, брезент и солома.

– Свободен, – скомандовал неизвестный майор и продолжил строго распоряжаться.

– Всех по отдельности доставить в семнадцатый, передать капитану Коврову. Снимите с них амуницию и вместе с оружием Сологубу в лабораторию, на экспертизу.

– Есть, – ответил невидимый военный.

И охотников поодиночке под руки стали поднимать с зем-

ли, напяливать мешки на головы и уводить в темноту.

Ничего не понимающие парни минут через пятнадцать оказались каждый в отдельной арестантской камере, в неизвестном им месте. Бедолаги понимали, что вляпались, но не знали во что и с какими последствиями. Сначала их куда-то везли в военных ГАЗ-69. Каждого грузили по отдельности, с теми же мешками из плотного материала на головах. Потом их вели по длинным коридорам и в конце сажали на строгие солдатские кровати. Как позднее выяснилось, что оказались они в отряде спецоханы объектов Космодрома Байконур.

А в настоящий момент в этом самом отряде происходили весьма нестандартные события. Начальник караула тридцать седьмого сектора заградительных систем особо охраняемых объектов – майор Стаценко Олег Константинович рапортовал – *«о задержании особо опасной группы лиц, проникших на объект через его сектор с оружием и боеприпасами в полном боевом состоянии»*.

Арестанты, сидящие под охраной солдат внутренних войск, каждый в отдельной камере, и близко себе не представляли, какая опасность нависла над ними всеми. Вчитайтесь только в слова Стаценко, которые он произнёс в докладе полковнику Марчуку, начальнику службы охраны этих отдельных объектов.

Ещё пару лет назад здесь была просто холмистая местность, и по ней свободно разгуливали свободные сайгаки. Лишь иногда, бывало, заглядывали местные жители пары

окрестных аулов, если вдруг их верблюды терялись среди этих невысоких холмов. А сегодня здесь строился один из самых секретных объектов на территории всего СССР. Что именно строилось на этом конкретном месте, история оставила в тайне, но события, описанные здесь, полностью подтвердили, что в действительности строилось нечто весьма важное для нашего и, в том числе, Мирового космоса. Пишу слово – «Мирового Космоса», поскольку слово Мирного космоса употребить не могу, ведь возможно, строили здесь объект вовсе даже не мирный, бывало и такое.

Покуда сыпались рапорты от одного секретного начальника к другому секретному начальнику рангом повыше, с узниками, тем временем, работали. Так назывались допросы с применением морального давления на личности арестованных. Их запугивали, с целью выудить истинную причину их появления в «особо секретной зоне».

– Серёгин, какой вы, к чёртовой бабушке, охотник. У вас даже ножа охотничьего нет. Кончайте врать, иначе в карцер загремите суток на пять для начала.

Один из офицеров спецкараула срочно переквалифицировался в следователя и напирал на обалдевших мужиков так, как когда-то на подследственных напирали в допросных камерах НКВД. Только что «к стенке поставить» не грозилося, и зубы им в куски не дробил, но громогласно обещали именно это проделать с каждым, если они не признаются – какую диверсию те готовили на охраняемом объекте.

– Какой ещё нож? Мы ведь сайгу стрелять собирались, а ножи для обдирки и свежевания у нас там, на стане.

– Что значит стрелять? Говори – кто послал в особую зону? Говори – с кем встреча должна состояться? Говори – сгною в карцере.

Так прошло около двух часов. Эту беседу, если её так называть, вёл старший лейтенант Воровской Артём. С каждым из арестованных он работал по отдельности, с тем самым профессиональным пристрастием и особым рвением. Мужики, перепуганные до последней точки самосознания, готовые рассказать ему всё, что знали и даже более того, как не пытались, не могли выдать из себя больше, чем было на самом деле. Строгий допрос старшего лейтенанта не оставил арестованным даже тени сомнений в сложности и почти полной безнадёжности их положения. Это понимал каждый. Вот только поделиться впечатлениями друг с дружкой у них не получалось. Ни один из них не знал где и в каком состоянии находятся его товарищи. А молодой лейтенант всё напирал и запугивал.

– Твои дружки уже всё рассказали и всё подписали. Один ты упираешься, но я и тебе язык развяжу. Ты у меня допрыгаешься. Говори!

Наконец он вымотался в полную «сосиску» и поплёлся к майору на доклад.

– Товарищ майор я всех допросил. Вот список арестованных. По-моему они говорят правду. Здесь протоколы. Все в

один голос повторяют, что ни о какой особой зоне не знали. Они – обычная охотничья артель, посланная руководством своего совхоза на заготовки сайгачатины. Я проверял, сегодня такая охота законна. Разрешите связаться с руководством их совхоза для выяснения личностей?

– Нет, не разрешаю. А если они заодно со своим руководством, так называемым. И легенду свою изучили как следует. Ты такой вопрос себе не задавал? Товарищ старший лейтенант...

– Разрешите вопрос, товарищ майор? А наш объект, в общем, данная территория официально считается – Зоной особого объекта?

– Ты идиот, что ли, лейтенант? Кто же её станет объявлять «особой...», если тут, может быть, самый секретный объект на планете Земля строится.

– Так вот и я о том же. Откуда простым колхозникам и их руководству знать, что здесь строится особо секретный объект, чтобы потом пытаться на него проникнуть?

– Ты совсем свихнулся или как? Воровской... А самолёты на что. Они летают здесь, как рейсовые пароходы, по расписанию. А как известно – «Нам сверху видно всё!» Ты так и знай... Кругом. Марш.

– Товарищ майор...

– Я сказал – МАРШ.

Воровской развернулся и вышел из кабинета начальника караула в расстроенных чувствах, понимая, что обычные се-

ляне практически на пустом месте «влипли по полной программе». Сам пол часа назад прессовал их по полной, а тут расчувствовался. Но, так оно и было.

Сразу после того, как старший лейтенант вышел, у майора на столе громогласно зазвонил телефон. Звонили по спецсвязи и майор, прежде чем поднять тяжёлую чёрного цвета трубку телефона, подскочил, как напружиненный и вытянулся в струнку. Взял в руку ту самую трубищу и громким голосом отчеканил:

– Начальник караула тридцать седьмого сектора заградительных систем особо охраняемых объектов – майор Стаценко у телефона.

– Здравствуйте Олег Константинович, – послышался в трубке голос начальника по режиму генерал-лейтенанта Соколова Игоря Владимировича.

Стаценко от подобной фамильярности высокого начальника просто остолбенел. Набрал воздуха в лёгкие и... гаркнул в ответ:

– Здравия жела...

– Ну, хватит, хватит, – прошипел в ответ генерал. – Оглушишь, ей-богу. Скажи мне лучше, что там за диверсанты у тебя в плену оказались?

– А Вам полковник Марчук разве не доложил?

– Как же, обязательно доложил, но ведь из первых, как говорится, рук... это всегда приятнее. Докладывай и по подробнее, а после доклада сверли дырочку... как говорится.

Хохотнул Генерал с намёком на награждение бдительного майора и членов его отличившегося караула. Стаценко, воодушевлённый столь лестной оценкой его скромного вклада в безопасность Родины, снова начал громогласной тирадой:

– Товарищ генерал-лейт...

– Да не ори ты, ради Бога, я тебя отлично слышу, иначе оглохну от твоего голоса. Сколько им всем теперь светит после суда? Лет по десять, или больше? Ну да ладно, продолжай.

– Есть – продолжать, – начал, было, орать Стаценко, но опомнившись, тут же взял, как говориться, на полтона ниже. И продолжил рапортовать. – Вчера ночью... извиняюсь, сегодня утром, секретным постом сержанта Карташова и рядового Суслика, были обнаружены, передвигавшиеся с особой осторожностью, вглубь охраняемого объекта, люди, находящиеся в грузовом автомобиле. Наряд доложил по инстанции, а дальше сработала моя группа захвата.

Генерал слушал рапорт майора и тихонечко хихикал в трубку, не выдержал и переспросил рапортовавшего майора:

– Стаценко, у тебя даже суслики на службе числятся?

Только теперь майор понял, что привычная для него самого фамилия солдата, на генерала подействовала, как изысканная шутка. Он в такт начальнику тоже хихикнул по этому поводу, но продолжил:

– Товарищ генерал-лейтенант, это мой рядовой солдат, фамилия у него такая.

– Не ерепенься, я понял, что фамилия. А, кстати, как фамилии у наших, так сказать, покусителей на неприкосновенность объекта.

– Я приложил список арестованных к рапорту, товарищ генерал-лейтенант.

– Да знаю. Я это, Олег Константинович. Сам я только что вернулся с обзорного совещания, не успел ещё бумаги перевероршить. Назови фамилии. Хоть знать буду, кого караем, в соответствии с Социалистической законностью и справедливостью.

Стаценко несколько секунд прошуршал бумагами начал читать:

– Серёгин Михаил Валерьевич – охотничий билет, Прозеба Виктор Алексеевич – охотничий билет, Крымский Василий Андреевич – охотничий билет, Дёмин Владимир Петрович, с его слов. Сказал, что охотничий билет забыл дома. Водитель – Глухов Андрей Андреевич и шестой – бригадир, как он представился, Комаров Николай Сергеевич.

Не успел Стаценко опомниться, как в трубке со стороны генерала грохнуло –

– Что-о-о? Что ты сказал? Какой бригадир? – сорвавшись заорал генерал, который еще секунду назад был воплощением сдержанности и добродушия.

Стаценко резко осёкся, не понимая, что именно произошло. От навалившегося волнения он тяжело задышал. Только что Генерал был в настроении, само благородство, и тут...

такая реакция.

– С чего это вдруг? – подумал майор, а генерал с надрывом в голосе продолжил его допрашивать.

– Кто такой – Комаров Николай, как ты его назвал – бригадир?

– Т-т-ак точно, Комаров Николай Сергеевич, назвался бригадиром охотничьей артели, предъявил охотничий билет. Артель направлена совхозом на отстрел сайгаков. Перекрёстный допрос подтвердил его слова, но подтверждающих документов никаких нет. Товарищ генерал-лейтенант мы им не поверили, – добавил заикающийся от страха начальник караула.

– Какие там документы, к чёртовой матери... – продолжал орать в трубку взбешённый генерал. – Они что, командировку должны предъявить, Ты так считаешь? Кому они в песках предъявят свои документы?

Тут к генералу постепенно стало возвращаться его обычное уравновешенное состояние и он начал размышлять трезво.

– Ты говоришь – совхоз их направил?

– Так точно, они это утверждают, товарищ генерал-лейтенант, снова почти кричал перепуганный майор.

– Да не ори ты так, оглохнуть можно, – промолвил, вернувшись в нормальное состояние, начальник.

– А ты звонил в этот совхоз, как его там...?

– Нет ещё, не успел, времени пока не было.

– Правильно, не звони. А где сейчас твои узники?

– На настоящий момент они находятся в арестантских камерах, порознь и лишены всяческих контактов между членами банды.

Столь неожиданный расклад дела перепутал все прежние планы генерала, и он не смог сразу определиться, что предпринять в следующий момент. Было похоже, что он решил пока просто поосторожничать.

– Вот что, ты их сейчас не буди, если спят. Но как проснутся, определи в общую комнату, накорми, и отвлеки чем-нибудь. Дай, там газеты, журналы, в общем, чтобы особо не задумывались о своём неопределённом положении. Учти следующее – никого к ним не подпускай, список фамилий с этой минуты, особо секретен, понял?

– Так точно, товарищ генерал, понял.

– Исполни.

Генерал отключился, телефон замолчал, а майор Стаценко от волнения так сильно вцепился в грубую, чёрного цвета карболитовую телефонную трубку, что не сразу смог разжать пальцы, чтобы положить её на штатное место. Всё тело майора слегка подрагивало. Это же надо, только что его награждали, а следом чуть не расстреляли. А ведь майор Стаценко отлично помнил, как в недавнем прошлом и такое бывало. В голове у него изрядно шумело, словно после контузии. Мысли путались и рассыпались что горох по гладкому столу. Усилием воли он стал медленно приводить их в порядок.

– Фамилии засекретили. А кто ещё знает эти фамилии, кроме меня, кто ещё видел этот поганый список? Так... старший лейтенант Воровской.

Тут же поднял трубку, стоящего справа телефона. Не того, который его только что чуть не расстрелял, а другого, которого он сам не боялся, но которого боялись его подчинённые.

– Воровского ко мне, срочно.

– Есть, – ответили на том конце трубки.

Не прошло и минуты, как молодой старлей стоял навывтяжку перед начальником караула. Кстати, стоит упомянуть, что эти караулы заступали на боевое дежурство, как и караулы в РВСН на целую неделю, так что их ежесуточной смены не происходило. Воровской замер перед командиром, взглядом и выправкой показывая, что готов выполнить любой его приказ.

– Слушай, Артём, ты протоколы допроса арестантов кому-нибудь показывал? – мягко, как только что генерал с ним самим, начал он этот разговор.

– Никак нет, товарищ майор, – отчеканил молодой офицер.

– А список фамилий кто-то, кроме тебя, читал?

– Никак нет, – добавил он к первоначальному рапорту.

– Никак... нет... – повторил начальник слова своего подчинённого, при этом многозначительно потирая собственный подбородок.

– Это очень хорошо. Хо-ро-шо... Слушай, Артём, внимательно и выполняй точно – только что фамилии этих... охотников, засекретили. Причём ОСОБО засекретили. Скажи-ка мне мой милый друг – копий протоколов у тебя не осталось... случайно?

– Никак нет... – с недоумением протянул старлей и пребывая в полной прострации продолжал тупо смотреть на начальство.

– Никак... нет... – снова повторил за парнем его начальник и, глядя не на него, а в стол перед собой, грубо распорядился:

– Так! Всех собрать в красном уголке, дать умыться, накормить, включить «аппарат» с трофейными американскими фильмами. Выполнять!

И тут же майор вспомнил приказ генерала: «...никого не подпускать!» Сразу же после своего приказа, не позволив младшему откозырять, продолжил...

– Отставить!

Лейтенанту ничего не оставалось, как согласиться.

– Есть... отставить. Так что, собирать их в комнате или..? – в недоумении переспросил Артём.

– Сказано же отставить, значит, отставить. Свободен. Не забудь забыть всё, о чём забыть полагается и фамилии арестантов в том числе, приказ. Хотя какие они теперь арестанты, – буркнул себе под нос майор.

И решил сам исполнить приказ генерала. Только что он

готовился, как выразился начальник, сверлить дырочку, а тут вдруг превратился в рядового официанта. При этом сам майор так и не понял, что, в общем-то, произошло. Зачитал фамилии и только, а ситуация в корне изменилась.

– Возможно всё дело в фамилиях? – про себя подумал Стаценко и двинулся выполнять генеральский приказ.

Поскольку прислуживать узникам предстояло ему лично, он решил воспользоваться не красным уголком, где его могли случайно увидеть подчинённые, а комнатой офицерского состава, что находилась вдалеке от общих мест караула.

Первым из арестантской камеры майор забрал бригадира. Он провёл его по безлюдным коридорам в свой кабинет. Войдя в помещение и, закрыв за собой двери, он тут же снял мешок с головы Николая. Осмотревшись по сторонам и, чуть привыкнув к освещению, Николай пришёл в полное изумление. На стенах кабинета почти с каждой его стороны висели крупные фотографии. На фото были и Гагарин, и Николаев, и их последователи, а ещё были космические ракеты. Ракеты во всех ракурсах: фото в состоянии подготовки к пуску, фото, когда ракету поднимают, фото, когда её только ещё подвозят к пусковой платформе, фото, когда она взлетает, отрываясь от стартового стола. Фото Земли с расстояния полёта корабля в космосе. И одно фото привлекло его особое внимание: на переднем плане фотографии стоял сам майор, в руках он держал охотничье ружьё, у его ног лежали три подстреленных сайгака, а на заднем плане стояли пятеро с

ружьями, троих из которых Николай сразу узнал. Это были Гагарин, Николаев и Попович, а двоих он никогда не видел. Майор заметил особое отношение бригадира именно к этой фотографии и с лёгкой гордостью в голосе проговорил:

– Это мы в прошлом году охотились. Тут недалеко.

Николай, не отрывая взгляда от фото, сказал, не придавая особого значения словам:

– Ну, вот, мы побывали у Вас в гостях, а вы побывали в у нас в охотничьих угодьях. Так и погостили друг у дружки.

Майор только смущённо улыбнулся в ответ, не промолвив ни слова.

Поражённый арестант тихо спросил у начальника караула:

– Извините, это всё здесь, вокруг нас? – показывая на фотографии космических ракет.

– Что рядом с нами, вам знать не положено, а это почти рядом, но мы и там бываем. Там тоже наши объекты. Так что космос – это и наша профессия, хоть мы над планетой и не летаем. Космос и на Земле очень большой.

– А Вы встречались с Гагариным, насколько я понимаю.

– Да, виделись. Но не на космодроме, а здесь у нас. Они все тут побывали, а вскоре будут здесь много времени проводить. Так вот для чего я Вас вызвал. Вникайте и парням толкуйте. Наш объект режимный, пусть не вздумаю здесь буянить или ещё чего вытворять. Это я на всякий случай говорю, вдруг у кого-то кровь зыграет. В общем, не приведи вас боже... А пока исполняйте всё, что вам прикажут.

С этими словами майор вновь надел на голову бригадира его родной мешок и вывел за пределы кабинета.

Спустя полчаса все горе-охотники собрались в этой самой офицерской комнате, где во время службы расслаблялся сам майор и его боевые офицеры. Странность этого помещения была в том, что окон оно не имело. Кстати, как и все остальные помещения караула. А это, в свою очередь, было явным признаком того, что данный объект размещался под землёй или как минимум внутри холмов. Комната, где они собрались, имела полдюжины удобных, обтянутых кожей кресел, три журнальных столика с разными импортными журналами, красивые, необычной формы, торшеры, расставленные вблизи кожаных кресел, прекрасный бильярдный стол, картины на стенах, много книг, хрустальные вазы. И главное, в этой комнате на отдельном столе стоял странный аппарат, напоминающий телевизор, но это был один из первых Советских видеомэгнитофонов. Причём, это была экспериментальная модель – «Спутник-7», не предназначавшаяся для широкой публики. Некая «особо секретная» научная лаборатория обкатывала свою новую разработку. Катушки с плёнкой, на которой были записаны трофейные американские фильмы, так же были изготовлены по особому заказу и были величиной чуть ли не с колесо от крестьянской брочки. Охотники, оказавшись в этой комнате, обратили на необычную обстановку особое внимание и заслуженно сравнили её с интерьером во дворце Шехерезады. А ведь некоторые из

них и про телевизор пока ещё только слышали, а «видеомагнитофон!!!»... и слова-то такого не знали..

– Да здесь только фонтана и павлинов не хватает, – вымолвил, обалдевший от всего, Андрюха.

Перепуганные сложившимися обстоятельствами и вымотанные мужики, после того, как с них лично майор снимал наручники, понимали, что-то в их судьбе изменилось. Оказавшись в сборе, без наручников и в таком необычном месте, в них зародилась несмелая догадка, что они уже не преступники. Первым подал голос Михаил.

– Коль, что происходит, ты что-нибудь понимаешь? – задал он вопрос бригадиру, потирая сонные глаза.

– Ни черта я не понимаю. Кажется только одно, что нас не собираются расстреливать.

– А ты считаешь, что могли и шлёпнуть? Не совсем так. Я думаю вот что, если бы мы вздумали хвататься за двустволки... покрошили бы не задумываясь. На допросе я просил лейтенанта позвонить в мою «партийную контору», думал, напугаю его громким названием нашего комитета он и спохватится, типа с кем связался, поутихнет со своим напором на карцер. Так он на меня так глянул, что я его полномочия у него в глазах тут же и прочёл. Очень высокие полномочия, я тебе скажу.

– Ты всё шутишь! Какие-то там полномочия... А я так думаю, что нам всем сейчас не до шуток, – пробурчал испереживавшийся Андрюха.

– Ты ещё и голос поднимаешь? Птица сонная... Пеликан хренов... А кто это нас сюда завёз. Мелкий пакостник ... – двинулся на него Михаил, но Николай его резко одёрнул:

– Вы что, забыли, где находитесь? Вам показалось, что этих неприятностей мало. Так я сейчас по шее... прибавлю. А, ну, успокойтесь, петухи. О чём вас спрашивали на допросе, быстро... и всё по порядку. Начинать Мишка.

Только у них поутихли первые эмоциональные страсти, как майор вкатил к ним в помещение особый двухъярусный столик. Что находилось на столике описывать не стану, хотя в точности знаю, что им тогда привезли. Однако намекну, что кроме прочего там было всё, о чём эти люди вспоминали очень долго, после самого происшествия. Не было только спиртного, да и правильно, что не было. Всё выглядело весьма странно – майор молча пришёл, молча включил чудо магнитофон, молча вышел. Этот неожиданный визит стал причиной полного замешательства арестантов. Грозный майор сам привозит продукты, сам прислуживает, к чему бы это?

– Ну что, парни, кажись нам предлагают мировую, – толи в шутку, толи в серьёз проговорил Виктор и подошёл поближе к аппетитному чудо столику.

– А что я бы их извинения принял, если они их таким столом подкрепляют, – подержал товарища Сергей.

Тут в разговор встрял бригадир.

– Если представилась такая возможность, давайте мужики подкрепимся. Что будет дальше нам не известно, а про-

дуктам пропадать смысла не вижу.

И начавшееся с этими словами пиршество, отменило все последующие разборки между ними. Зазвучала музыка фильма и деликатесы пошли в ход.

Тем временем, Генерал Соколов, сразу же после окончания разговора с майором Стаценко вновь поднял трубку секретной связи и приказал соединить его с полковником Марчуком, начальником службы охраны отдельных объектов космодрома. Это был его непосредственный подчинённый, который и сообщил ему о данном задержании.

– Степан Евгеньевич, – со сталью в глоссе начал разговор генерал. – Вам известны фамилии всех задержанных в зоне?

– Да, Игорь Владимирович, известны, – весьма утвердительно ответил полковник Марчук.

– Я повторяю вопрос, Вам известны все фамилии задержанных, майором Стаценко, людей? – Марчук слегка осёкся, понимая, что генерал не стал бы попусту обострять вопрос и напирать на «фамилии задержанных». Тем более стальные нотки, зазвучавшие в его голосе, говорили сами за себя.

– Что там за фамилии такие? – задумался он и, мгновенно перебирая в уме прочитанный недавно список, судорожно соображал кто там в этом списке. Всё происходило, словно у студента перед трудным зачётом – это когда информации очень много, а нужное на ум никак не приходит.

– Ни Пушкиных, ни Лермонтовых, ни Гагариных, вроде нет.

Он, как приговорённый перед казнью, мгновенно вспомнил по фамилиям всё своё ближайшее руководство, припомнил их близких родственников, но на ум не пришла ни одна из них. Фамилии руководства страной он отверг, как – не реальное. В уме, словно в домино – пусто, пусто. Не хватало только «рыбы». Но сверх крупного «леща» грозился отвести особо строгий голос грозного генерала. Паузу молчания прервал сам генерал.

– Ты знаешь, кто такой Комаров Николай Сергеевич, бригадир из твоего списка? Нет, ты мне скажи, пожалуйста, кто такой Комаров Николай... мать твою!!! – заорал на полковника генерал.

Хорошо, что разговор состоялся по телефону, иначе полковник увидел бы, как из генеральских глаз посыпались искры. Даже звёздочки задрожали на его генеральских погонах, таковой оказалась его неожиданная ярость. Конечно же не видел этого полковник, но именно это он себе и представил. Он также представил, как задрожали звёздочки на его собственных погонах. При этом одна из звёздочек явно дрожала сильнее остальных двух и вот-вот готова была свалиться с погон. Ничего не оставалось полковнику, как заорать в ответ.

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант, не могу знать.

– Ах, ты не можешь знать... Это всё «Я» должен за вас знать. Ты что не в курсе, что через месяц-два в космос командиром корабля полетит Комаров.

Продолжал орать в трубку высокий начальник. Полковника словно припечатали к земле. Он мгновенно понял всю опасность сложившейся ситуации и всё отчётливее представлял себе возможные последствия.

– Тов-а-рищ генерал-лейтенант, я не мог этого знать, до нас не доводят эти сведения, уровень секретности не мой. Извините товарищ...

– Да, не твой уровень, я знаю. Но как ты себе представляешь подобное – одного Комарова отправляем в космос, второго с десятью годами приговора транспортируем на нары? – более или менее спокойным, но всё ещё взволнованным тоном продолжил генерал.

Пыл с него заметно слетел и трезвость ума вновь вернулась на своё законное место.

– Действительно нехорошо, товарищ генерал. А они что родственники? – задал неожиданный вопрос полковник и тут же осёкся, готовый получить следующую порцию матюков от свирепого начальника, но неожиданно всё произошло совсем наоборот.

Генерал, по всей видимости, изрядно выпустил пар и успокоился окончательно. Поэтому ответ был вполне конструктивным.

– Да, кто его знает, родственник или нет. Только закордонная пресса, так или иначе, объявит их родственниками, когда всё это случится. С другой стороны, представляешь, что произойдёт, если я сейчас сделаю все необходимые запросы,

по своим каналам. Какая поднимется буча... Один Комаров здесь... другой Комаров там... Одного затаскают, второго от полёта отстранят... Ведь как пить дать, отстранят. И это, как я понимаю, будет в окончательном варианте. Он и так трижды пролетал, как фанера над Парижем, вместо того, чтобы над Парижем в космическом корабле пролетать. Вот какая ситуёвина, понимаешь ли, дорогой мой, Степан Евгеньевич.

Судя по последней фразе, генерал Соколов и впрямь серьёзно задумался, как эту нестандартную задачу распутать, да так, чтобы и в опалу не угодить и дров не наломать. Чтобы хоть как-то определиться в объёмах и направлении необходимых действий он начал задавать Марчуку наводящие вопросы:

– Кто из твоих... владеет информацией о задержанных? Кто видел их в лицо?

– Трое, товарищ генерал-лейтенант – майор Стаценко, старлей Воровской и я. Остальные видели задержанных в темноте, мельком и в основном со скрытыми лицами.

– Со скрытыми лицами? Ты что их в мешка возил, что ли?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант, инструкция.

Генерал на секунду призадумался и с какой-то скрытой тайной в голосе продолжил разговор.

– А ты знаешь, очень хорошая инструкция, чёрт побери. Какая хорошая у тебя инструкция, ёшкин кот. Значит, если что, их опознать не сможет никто из рядового состава, – замурчал себе под нос генерал, по-видимому что-то на ходу

придумывая. И тут же задал ещё один вопрос.

– А твой Стаценко, случайно, не выяснял их личности? Ну, там... через паспортный стол, через отдел кадров? Или ещё как? Понимаешь, в принципе, информация об их задержании распространилась за пределы твоего подразделения или нет?

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант.

– Да, что ты заладил – никак нет, никак нет. Говори нормально, я уже не злой у меня всё отошло. Это сначала порвать вас всех готов был, а теперь так и быть, живите, – хохотнул генерал и продолжил доводить свою мысль полковнику, который так же успокоился и звёздочки не его погонах перестали трястись в готовности обрушиться.

– Есть товарищ генерал... говорить нормально. Ой, извините Игорь Владимирович, привычка, – Марчук перешёл на человеческий тон и продолжил тему разговора. – Я правильно понимаю, что выяснять их личности более не стоит?

– Правильно мыслишь. Представь – сейчас позвонишь в совхоз, те оповестят райком, дальше обком, дойдёт до Республиканских органов, такое поднимется... ещё похлеще, чем у нас, если я вдруг запрошу документы на этого – Комарова Николая Сергеевича. А кстати, он сам что говорит о себе, я пока не прочёл его протокол допроса, не до него было, знаешь ли.

– Он говорит, что сейчас в отпуске и в артель попросился сам, поскольку раньше работал в совхозе. Сейчас он офи-

циально стал членом бюро Южноказахстанского крайкома. Кстати там идут дразги, по поводу всего этого Края, вроде как распустят его вскоре.

– Ну, вот видишь, он из местных шишек. Нам его личное дело едва ли отдали бы. Скорее всего, затребовали бы его самого назад, как незаконно удерживаемого в нашем узилище, для «разборок в своём узком кругу». Вот где свара завертелась бы... Полковник представляешь?

– Представляю, Игорь Владимирович, ещё какая свара.

– Скажи мне, а как они вообще в зону прорвались?

– Как? Просто шофер заснул... и по степи въехали прямо к нам. Колючку проскочили не заметив. Столбы посшибали...

– А если и впрямь завтра диверсанты к тебе пожалуют, что тогда делать будешь?

– Так инструкция, Игорь Владимирович, секреты выставлены, связь телефонная налажена, световые сигналы отработаны и так далее...

– Ты своё – «и так далее»... засунь себе, знаешь куда? Короче, эта бригада должна исчезнуть, словно её вовсе никогда здесь не было! Давай-ка, прямо сегодня, сделай так.

Охотники пиршествовали, не обращая внимание на время. Раз подвернулся такой случай, то его грех не использовать. Да и прекрасные продукты, привезённые молчаливым майором, оказались действительно очень вкусными. Однако не все чувствовали себя за этим столом уважаемыми гостями.

ми. Первым заскулил, перепуганный больше остальных, Андрей.

– Мужики, а что это майор ничего не сказал нам. Вошёл, как мумия, и ушёл так же. Мне кажется не спроста это всё.

– Конечно не спроста, – продолжил разговор Мишка. – Он нам подсунул отравленные продукты, что бы окочурились, – проговорил он и хохотнул, подчёркивая, что пошутил.

Настроение членов бригады тут же изменились, причём оптимизма явно поубавилось. Над столом, где только что звучали шутки наполненные уверенностью в собственной неуязвимости, нависла мертвая тишина. О чём задумались все, что их столь неожиданно смутило так это последние слова Мишки.

– Мужики, а что если Мишка прав? – полушёпотом проговорил Андрюха и положил на стол наколотый на вилку смачный кусок осетрины.

– Ешь Андрюшенька, ешь, ты в любом случае нужную дозу уже получил. А если точно, то зачем такие сложности. Нас как перепёлок можно вывести к первому попавшему холмику с теми самыми мешками на мордах и... не трать ценных продуктов шлёпнуть. Кстати, из наших же стволов. – проговорил Николай и продолжил. – Не слушайте этого плаксу. Просто ешьте и прекратите паниковать.

Медленно, но мужики отходили от Мишкиной неудачной шутки и продолжили поедать караульные деликатесы, но, как говорится, осадочек остался. Николай вдруг представил

себе ситуацию, при которой они могли оказаться ненужными свидетелями. Это ему показалось слишком диким, но его от такой догадки, прямо скажем, покорило. Вслух этого озвучивать он не стал, однако холодком слегка пахнул.

– И объект секретный, и майор молча вышел... Не всё это мне по нраву, – подумал про себя Николай.

Очень скоро за столом от продуктов почти ничего не осталось, и парни расселись по креслам глядя на чудо техники показывающее очередной фильм.

Тут к ним в помещение бесцеремонно вошёл старший лейтенант, которого они ещё не успели забыть, и это всех весьма насторожило. Лейтенант держал в руках те самые мешки из плотного материала. Событие показалось всем им весьма знаковым.

– Что случилось, товарищ старший лейтенант? – Поднявшись с кресла спросил его Николай.

Молодой офицер явно был настроен решительно. Он встал в центре комнаты и спокойно скомандовал:

– Всем встать. Приготовиться к транспортировке.

У Андрюхи наступил ступор.

– Это что, ВСЁ? – подумал он, припомнив сказанное раньше, и так перепугался, что подняться с кресла не смог, его поднимал сам лейтенант. Когда ему на голову надели мешок, последнему из команды арестантов, в комнату вошли солдаты и начали выводить всех из помещения. В отличии от прежней транспортировки их погрузили в одну машину

и повезли. Судя по звукам мотора, они поняли, что их вывезли из подземелья и везут по какой-то извилистой дороге. Эта неизвестность, которая нависла над нашими мучениками, всех их очень угнетала. Не знаю, что чувствовал каждый из них в эти секунды, но уверен, что хорошего в их ощущениях было мало.

Машина наконец остановилась, всех вывели и построили в линейку неподалёку. Тут же машина загудела и отъехала на некоторое расстояние.

Старший лейтенант подошёл к перепуганным мужикам и начал снимать с них ненавистные мешки.

Генерал, обдумав все за и против, отдал последние распоряжения полковнику Марчуку:

– Они должны исчезнуть, словно их никогда у нас не было. И так, чтобы и воспоминаний о них ни у кого не возникло:

первое – своим узникам мешки на голову, по инструкции, и вывези за пределы зоны;

второе – посади их на их же лимузин, покажи направление и... дай пинка под зад. Как следует дай, чтобы летели в свой стан не оборачиваясь, а охоту свою в нашем направлении, чтобы позабыли навечно;

третье – а что третье? Покорми, по изящнее, и вкусняшек там всяких дай на дорогу, чтобы потом не жаловались на тебя. Комарову лично скажи, чтобы новости в прессе повнимательнее читал. Но я тебе этого не говорил, понял? – хихикнул генерал и добавил. – Главное – как только спровадишь «до-

рогих гостей» отправь в тот район экскаватор, пусть выроет котлован вдоль всей колючки. Если ещё кто-нибудь, спящий за рулём, к нам пожалует, то в канаве пусть проснётся. А нам визитёры ни к чему.

Видишь ли, полковник, дорогой мой Степан Евгенич, получается такая вот картина: особую зону мы в руководство Каз.ССР не заявляли, будь она трижды проклята эта секретность. А это само по себе значит, что людей, то есть граждан Каз.ССР, мы просто похитили и незаконно удерживаем. Вот если бы мы могли их отдать под суд, то суд решил бы, как с ними поступить и нас это уже не касалось бы, но поскольку мы их к суду нашей Социалистической справедливости привлечь не можем, по известным нам с тобой причинам, то и «остальное» не имеет смысла. В общем – запомни, ничего этого просто не было. И своим втолкуй, чтобы ни-ни. Бошки по-от-ры-ваю!

Разберись лично сам вот в чём: если случайно кто-то из рядового или сержантского состава видел лица этих... охотников, отправь их в отпуск, но не связывай это с происшествием, придумай что-нибудь. Чтобы их, как минимум месяц и близко не появлялось. Запомни, это очень важно. Всё! Бывай.

Генерал бросил трубку и у вспотевшего Марчука, наконец-то, отлегло от сердца. Хоть и был он служака рьяный, но случайно попавшие в беду парни и у него вызывали искреннюю жалость. Что он сам не человек, что ли. Тут же, не отхо-

дя от телефона, он распорядился обо всём майору Стаценко. Тот, опешив от столь крутого разворота, вызвал к себе старлея и отдал соответствующие распоряжение ему.

– Ты взял, ты и поставь на место, где взял. Сделай так, чтобы их лиц не видел никто из караульных. Пугани на прощание, чтобы неповадно было по нашим объектам шляться. Выполняй?

– Так точно, товарищ майор, – радостный до крайнего уровня счастья старший лейтенант Артём Воровской помчался исполнять приказ начальства.

На прощание навалил охотникам кучу разных деликатесов, и как было велено – сообщил, что бы очень внимательно читали ближайшие новости в газетах.

Так и закончилась для мужиков эта необычная почти «космическая охота». Вот только охотились они, или охотились на них, так и осталось не совсем понятным.

А вскоре 12—13 октября 1964 года, после первого в мире группового полёта в космос на борту корабля «Восход-1» вместе с космонавтами Константином Феоктистовым и Борисом Егоровым, Владимир Комаров с позывным – «Рубин» героически исполнил свой первый космический полёт.

Только тогда Николай всё понял. Ему стало очевидно, что не его звучная должность, члена Бюро Крайкома, как он сначала предполагал, а его обычная русская фамилия сыграла роль во всей этой истории.

Его радость и гордость за наш Космос, наших космонав-

тов, нашу науку и всю нашу страну, а так же за всю свою охотничью бригаду, которая таким неординарным способом прикоснулась к одной из космических программ, была настолько безграничной и особенной, словно это он сам побывал в космосе и вернулся оттуда героем.